

**ПАТЕНТЫ, ГРАМОТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА:
ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО НАЙМУ ИНОСТРАНЦЕВ
НА РУССКУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ?***

Ольга Ермакова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

***PATENTS, CHARTERS, AND CERTIFICATES: WHAT
PRECEDED THE ENLISTMENT OF FOREIGN NATIONALS
INTO THE RUSSIAN SERVICE BY CONTRACT?***

Olga Ermakova

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the genesis of contractual relations between the Russian state and individuals, more particularly, international specialists. The author traces the similarities, interconnections, and differences between bilateral contracts with reciprocal rights and obligations and other acts totally or partially devoid of synallagmatic features (i. e. legal attributes of reciprocal agreements). The sources referred to include contracts concluded with foreign nationals, "capitulations" ("conditions of service", which were not full contracts in terms of form yet), and various acts created in the process of recruitment or presented by foreigners during the enlistment procedure, such as patents, charters (Rus. *zastupitel'nyye* "intercessions", confirming qualification, and Rus. *proyezzihiye* "passing" charters, etc.), and certificates (Rus. *svidetel'stvovannyye pasy*, "certificate passes", Rus. *svidetel'stvovannyye pis'ma* "certificate letters"). Chronologically, the paper covers the epoch of Peter the Great, because con-

* *Citation*: Ermakova, O. (2020). *Patents, Charters, and Certificates: What Preceded the Enlistment of Foreign Nationals into the Russian Service by Contract?* In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1685–1694. DOI 10.15826/qr.2020.5.552.

Цитирование: Ermakova O. *Patents, Charters, and Certificates: What Preceded the Enlistment of Foreign Nationals into the Russian Service by Contract?* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1685–1694. DOI 10.15826/qr.2020.5.552 / Ермакова О. Патенты, грамоты, свидетельства: что предшествовало найму иностранцев на русскую службу по контракту? // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1685–1694. DOI 10.15826/qr.2020.5.552.

tracts became the key form of hiring international specialists at the time, though their form was still unstable. The author reveals the characteristics of patents granted to international specialists, determines their differences from traditional “rank patents”, and shows the features that make foreigners’ patents similar to service contracts. In general, this type of source represents a rank granted by the sovereign, not a bilateral contract. At the same time, patents contain an indirect synallagmatic bond realised through structural elements about Russian obligations to foreigners (for example, concerning the amount of money to be paid). Source study analysis of the charters and certificates granted by European monarchs and presented by foreigners in the Ambassadorial Prikaz demonstrate that such acts were used by Russian administrators as examples for drawing up contracts and documents while recruiting international personnel. On the one hand, the synallagmatic bond, which usually determines the essence of a contract, was absent or insufficiently developed in some letters of grant. However, a number of texts do have features indicating the reciprocity of rights and obligations, which allows us to consider them possible prototypes of contracts. The Russian contract incorporated the properties and features of various acts of Russian and, to a greater extent, Western European origin.

Keywords: contract, agreement, patent, charter, diplomatics, foreigners in Russia, era of Peter the Great.

Исследуется генезис договорных отношений между российским государством и частными лицами – иностранными специалистами. Прослеживаются сходства, взаимосвязи и различия между двусторонними договорами с взаимным характером прав и обязательств и другими актами, полностью или частично лишенными синаллагматических признаков (то есть юридических свойств обоюдного соглашения). Источниками выступают контракты с иностранцами, капитуляции («условия о службе», по формуляру не являвшиеся еще полноценными договорами), а также разного рода акты, созданные в процессе вербовки или представленные иноземцами в ходе оформления на русскую службу: патенты, грамоты («заступительные», подтверждающие квалификацию, «проезжие» и др.), свидетельства («свидетельствованные пасы», «свидетельствованные письма»). Статья охватывает период правления Петра I, когда ключевой формой найма иностранных специалистов становится контракт, но он еще неустойчив по формуляру. Выявляются характерные особенности патентов, выданных иноземцам, определены их отличия от традиционных «патентов на чины», а также черты, сближающие «иноземческие» патенты с договорами о службе. Данная разновидность источников представляет собой пожалование чина государем, но не двустороннее соглашение. При этом в текстах патентов присутствуют косвенные признаки синаллагматической связи, выражающиеся в наличии структурных элементов, содержащих сведения об обязательствах российской стороны по отношению к иностранцам (например, о выплате определенной суммы жалования). Источниковедческий анализ предъявленных иноземцами в Посольском приказе грамот и свиде-

тельств, данных от имени европейских монархов, демонстрирует, что такого рода акты использовались российскими администраторами в качестве образцов и моделей для составления контрактов и содержательно близких к ним документов в ходе приема на службу зарубежных кадров. В разного рода жалованных грамотах отсутствовала или была недостаточно развита синаллагматическая связь, определяющая суть контракта, но в ряде текстов зарождалась традиция указания на взаимность прав и обязательств, что позволяет считать их возможными прототипами договоров. Русский контракт вобрал в себя свойства и черты разнообразных актов российской и, в большей степени, западноевропейского происхождения.

Ключевые слова: контракт, договор, патент, грамота, дипломатика, иностранцы в России, эпоха Петра I.

Un contrat (lat.: contractus) est un acte synallagmatique entraînant pour les deux parties des droits ou des obligations réciproques.
Vocabulaire international de la diplomatie

«Контракт – это синаллагматический акт, включающий взаимные права или обязательства для обеих сторон», – такое определение дано термину в «Международном словаре дипломатики», изданном Университетом Валенсии в 1997 г. под эгидой Международной комиссии по дипломатике [Vocabulaire international de la diplomatie, p. 23]. Понятие синаллагматического договора восходит к римскому праву и подразумевает исключительно взаимные обязательства контрагентов, причем синаллагматическая связь имеет два неотъемлемых аспекта: генетический и функциональный. Первый заключается во взаимной обусловленности обязательств (одно не может возникнуть без другого, и возникают они только и непременно вместе), а второй состоит в том, что «требование об исполнении обязательства из договора возможно постольку, поскольку остается возможным исполнение взаимного обязательства, а потребовать взаимного исполнения можно, лишь приступив к собственному» [Макарова, с. 364]. Традиционные формы русских актов, фиксировавших правоотношения государства и частных лиц, в первой четверти XVIII в. постепенно трансформируются в синаллагматические, приобретая черты полноценного договора (контракта).

Контракт о службе иноземца в России как форма двустороннего соглашения, где одним из контрагентов выступает представитель высшей государственной власти, а другим – иностранец в качестве частного лица, представляет собой публично-частный акт договорного вида (следуя классификации С. М. Каштанова) [Каштанов, 1988, с. 151]. Становление и активное введение в оборот данного вида документа можно считать важнейшим этапом развития договорного права, предполагающего взаимные обязательства участников отно-

шений. В отличие от иных форм приема на службу, заключавшихся в «даровании» неких прав/чинов монархом, контракт подразумевает и письменно не только закрепляет обязанность одаряемого ревностно и верно служить, но также накладывает определенные обязательства и на государство как «работодателя». Что же предшествовало утверждению именно договорной формы найма иностранных специалистов, и какие разновидности актов послужили основой и образцами для складывания относительно устойчивого формуляра и типового содержания русских контрактов? Разобраться в этом поможет обращение к первому этапу массового набора иноземцев на русскую службу, относящемуся к эпохе петровских преобразований. В этой связи особый интерес представляют процедура найма иностранцев и ее документирование.

Очевидно, что при заключении контрактов использовались западноевропейские образцы. Это обуславливалось спецификой конкретных договорных отношений и составом контрагентов. Впрочем, и при создании других, новых для России разновидностей актов огромное значение имели их иностранные аналоги. По наблюдениям О. И. Хоруженко, на начальном этапе выдачи дворянских дипломов при Петре I ответственным ведомством по этому направлению не случайно была назначена Коллегия иностранных дел. Учреждение располагало богатым архивом Посольского приказа, содержащим многочисленные образцы западноевропейских актов [Хоруженко, с. 128]. Для изучения генезиса договорных отношений, закрепляемых контрактом, чрезвычайно важен источниковедческий анализ документов, близких по цели создания и содержанию, а также тех актов, которые сопутствовали приезду иноземцев и входили в «пакет документов» въезжающего в Россию зарубежного специалиста.

Рассматривая состав политической элиты России первой половины XVIII в., Н. Н. Петрухинцев сделал следующее наблюдение: «26 чел. (из иноземных коллежских служащих 1718–1720 гг. – О. Е.) фактически заключили *контракты (патенты)*. Это преимущественно нанятые иноземцы, у которых срок службы обычно четко оговорен (здесь и далее курсив мой. – О. Е.)» [Петрухинцев, с. 82]. В данном контексте понятия «контракт» и «патент» оказываются тождественными. Справедливо ли подобное утверждение, и что же все-таки это была за разновидность документов: контракт, патент или что-то третье? Конечно, если говорить об общей сути отношений, выстроенных между государством и приглашенными иностранцами и состоявших в приеме иноземцев на временную службу с определенными условиями, форма зафиксировавшего их документа может показаться не столь важной. Но для понимания тонкостей изучаемых взаимодействий, эволюции коммуникативных практик (включая диалог между государством и (не)подданными или отсутствие такового) и реконструкции этапов развития договорного права в России видовая идентификация конкретных актов и анализ их формуляров представляются необходимыми.

Предваряя обращение к сюжету, связанному с наймом коллежских чиновников, следует отметить, что *патент* едва ли можно считать в чистом виде *контрактом*, хотя этот источник, несомненно, относится к актовым. В патентах используется второе самоназвание – «грамота», а в Генеральном регламенте значение слова «патент» как иностранного трактуется как «жалованная грамота на чин» [ПСЗ-1, т. 6, № 3534]. Для того чтобы выявить принципиальные различия, необходимо исследовать природу патента (патента на чины) как разновидности источников вообще, а также попытаться определить специфические черты подобного рода документов, выдаваемых иноземцам. Первым формально-юридическим признаком происхождения патента, отличающим его от контракта, является то, что патент «дается» государем, иными словами, представляет собой «пожалование чина» монархом, а не двусторонний договор. Но почему же в случае с иноземцами патент все-таки легко спутать с контрактом? Рассмотрим подробнее процедуру документирования вербовки иностранцев, принятых «с патентами», и особенности их текстов.

В качестве примера возьмем патент, данный Генриху Фику, советнику Камер-коллегии в 1717 г. [см.: Поленов, стб. 1740–1742]. Текст начинается с «интитуляции» (обозначения лица, от которого исходит документ, слившейся в данном случае с «инвокацией» – «богословием»¹) и «публичного объявления»: «Божиею милостию Мы, Петр Первый, Царь и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем мы сим всем, что...» Таким образом, «начальный протокол» данного акта указывает на то, что документ исходит не от кого иного, как от государя. Надо заметить, что, в отличие от патентов, для контрактов не было характерно непосредственное участие персоны монарха в качестве контрагента. Договоры подписывались представителями властных элит, чаще всего дипломатами, резидентами за рубежом или чиновниками внешнеполитических ведомств, а иногда и специально нанятыми для этой цели иностранными купцами [см., например: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1702 г. Д. 30. Л. 1–2; Ф. 150. Оп. 1. 1715 г. Д. 1. Л. 33–33 об., 36–38 об.; Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1–5 об., 31–31 об.; Ф. 150. Оп. 1. 1719 г. Д. 4. Л. 1–3]. Далее следует разъяснение обстоятельств и цели выдачи патента (что по классификации элементов условного формуляра актов называется «*narratio*», то есть «изложение обстоятельств дела»). В случае с Фиком речь идет о необходимости создания специальной коллегии («Камер-коллегиума») для управления государственными доходами и снабжения ее «искусными людьми». Дается также пояснение, почему именно Генрих Фик выбран на должность «действительного камеррата», в нем содержится информация о прежнем месте службы и чине иноземца (бывший комиссар в Голштинии) и о высокой оценке его способностей.

¹ Тенденция слияния элемента *invocatio* («богословие») с *intitulatio* («интитуляция») наблюдалась еще с XVI в. [Каштанов, 1988, с. 180].

Диспозитивная часть патента Г. Фика (как и многих других, выданных иностранцам) включает такие элементы, которые по содержанию сближают его с контрактом. Речь идет о статьях², посвященных условиям службы и встречным обязательствам со стороны государства. Надо заметить, что традиционно для «патентов на чины» не была характерна подобная конкретизация. Как правило, патент представлял собой довольно краткий документ, составленный по унифицированной модели и сообщающий о пожаловании какого-либо чина определенному лицу [см., например: «Известно и ведомо да будет каждому...», с. 8–9, 11]. Но если говорить об иноземцах, зачастую мы имеем дело с более развернутыми текстами. В них, например, указывался размер жалования, а также другие вознаграждения и «вспоможения» («также сверх того пристойным свободным жилищем и потребными дровами его жалует»), срок службы и правила отпуска на родину [Поленов, стб. 1741]. Случай Г. Фика по-своему исключителен. Во-первых, потому что иностранец принимался на службу на довольно длительное время – 12 лет (обычно срок найма иноземцев составлял 3–5 лет). Во-вторых, ему предоставлялось несколько возможных вариантов действий после окончания этого срока (вернуться в Германию или же остаться в России и поселиться в любой ее части, включая Лифляндию и Эстляндию, пользуясь всеми правами, даруемыми «чужестранцам»). Он вполне мог рассчитывать на наделение землей во вновь завоеванных провинциях. Сам Генрих Фик в своем донесении Сенату подчеркивал, что данный ему патент и включенные в него условия (капитуляции) ставят его «в исключительное положение против других иностранцев» [Там же, стб. 1737]³. В Петровскую эпоху капитуляциями также называли разновидность контрактов, хотя по формуляру это были еще не полноценные акты, а скорее предакты. Их особенность состояла в том, что они представляли собой, в сущности, односторонние обязательства иноземцев вступить в службу на заранее оговоренных условиях⁴.

Таким образом, часто встречающийся в источниках термин «капитуляция» применялся как в качестве наименования отдельных документов (разновидности первых контрактов), так и для обозна-

² В данном случае в тексте отсутствует формальное разделение на статьи. Однако, пользуясь методами дипломатики, мы применяем условное деление на «статьи» для упрощения анализа и корректной интерпретации источника. О методологии см.: [Каштанов, 1970, с. 32–33; Каштанов, 1988, с. 173].

³ Безусловно, Г. Фик являлся одной из ключевых фигур, сыгравших важную роль в практической реализации устройства коллегий и привлечении в них иностранных специалистов. Поэтому неудивительно, что его приняли на службу на более выгодных условиях.

⁴ Документы, имевшие самоназвание «капитуляция», по формуляру, как правило, представляли собой промежуточную стадию эволюции собственно контракта, так как составлялись от лица иностранца, берущего на себя определенные обязательства и объявляющего условия, на которых он был готов вступить в службу. См., например: [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1707 г. Д. 1. Л. 3–3 об.; Ф. 150. Оп. 1. 1708 г. Д. 6. Л. 1–3 об.; Ф. 150. Оп. 1. 1710 г. Д. 7. Л. 1–1 об.]. Подробнее см.: [Ермакова, с. 57].

чения части какого-либо другого документа (в данном случае патента), содержащей перечень неких условий. Данное замечание выводит исследовательское внимание на проблему документирования и процедуры найма иностранных специалистов на службу вообще. В работе историка XIX в. Д. В. Поленова о проблеме присяги иноземцев наглядно показан порядок приема иностранцев в коллежские чиновники. Например, автор свидетельствует, что Г. Фик в 1715 г. «учинил с Его Царским Величеством капитуляцию», затем совершил поездку в Швецию для того, чтобы раздобыть регламенты коллегий и нанять специалистов, а в 1717 г. получил патент на свою должность. При этом именно на основании патента (а не капитуляции) иноземец получал все обещанные права и вступал в обязанности [Поленов, стб. 1745]. Первичным же действием являлось заключение «условий» (капитуляции и т. п.), а уже после этого выдавался патент. Причем до момента получения патента мог пройти не один год [«Известно и ведомо да будет каждому...», с. 9]. Советник Коммерц-коллегии И. Бакон, выражая несогласие с разработанной Сенатом в 1719 г. присягой на вечную службу и подданство (предлагаемой всем иноземцам, принятым в коллегии), также апеллировал именно к своему патенту (не подразумевавшему подобных условий), но не к капитуляции [Поленов, стб. 1754]. Вероятно, патент обладал большей юридической силой. Однако не все чиновники из иноземцев имели патенты.

Общий исторический контекст Петровских реформ, ориентированных на западный опыт, позволяет справедливо предположить, что в процессе формирования русского контракта как особого вида документа большую роль сыграли разнообразные образцы западно-европейских актов, с которыми российские администраторы различных уровней сталкивались в ходе вербовки иностранцев на службу. К таковым, например, относятся свидетельства и грамоты, подтверждавшие профессиональную квалификацию иноземцев и удостоверявшие факт их отпуска с прежних мест службы. По формуляру они напоминают и патент, и отчасти контракт (особенно в его первоначальных российских вариациях). К примеру, один из так называемых «свидетельствованных пасов» доктора Николая Гримберга, принятого на русскую службу в 1703 г., начинается со следующих элементов внутренней структуры: интитуляция (документ исходит от датского короля), нотификация (публичное объявление), аренда (преамбула), инскрипция (наименование адресата), диспозиция (распоряжение по существу дела). В диспозитивной части говорится, что Н. Гримберг получает право вести врачебную деятельность в датском городе Ольборге и его округе. В свою очередь, от него требуются верность и преданность правящему дому, честная и старательная служба, а за призрение больных ему полагается «достойной платеж». В тексте упоминается принесенная доктором присяга, в соответствии с которой он должен действовать. Всякий иной человек предостерегается от учинения каких-либо препятствий по отношению к предъявителю

данного свидетельства («грамоты»): «запрещаем всем и каждому сим яко есть писано ему никакую помеху ни изъяну не учинить» [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 34. Л. 3–3 об.]. Завершается текст акта элементом *datum*, то есть указанием места и времени его составления, corroborацией и субскрипцией – сведениями об удостоверительных знаках документа и собственно подписью датского короля Фредерика IV. Практически аналогичное свидетельство было выдано тому же доктору в 1693 г. предшественником Фредерика Кристианом V [Там же. Л. 4–4 об.].

Приезжавшие на службу иноземцы предоставляли российским администраторам и другие разновидности актов. Например, под наименованием «свидетельствованных писем» подполковника Ганса Фалта в архиве Посольского приказа объединены «заступительная грамота» и «свидетельствованный пас» о службе иностранца от прусского короля, а также две «проезжие грамоты» от датского и прусского королей [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 9. Л. 4–9 об.]. Смысл «проезжих» очевиден из самого их названия. Первые же из перечисленных грамот удостоверяют, что иностранец действительно находился на службе в Пруссии, а также в Голландии, и проявил себя как искусный военачальник. Также от имени Фридриха сообщается, что, следуя желанию подполковника «ехать к Москве» и поступить на службу царского величества, король отпускает Г. Фалта, снабжая его положительными рекомендациями, гарантируя беспрепятственный отъезд [Там же. Л. 4–5 об., 9].

В качестве прообраза *коллективного контракта* могли послужить иные акты с участием «коллективных контрагентов». Интересный случай представляет собой комплекс документов, составленный с целью формирования так называемой «Волошской хоронгви» во главе с комендантом сербом Апостолом Кигечем, принятым на русскую службу в 1707 г. и обязавшимся нанять «добрых и искусных людей» – двух ротмистров, трех поручиков, трех хорунжих и 300 рядовых [Императорская российская гвардия, с. 82]. Пожалованный Петром I в связи с этим патент был адресован не только Кигечу, но и всем членам будущего военного подразделения в целом. Заголовок документа звучал так: «Патент, данный от Государя Петра I, Волохского народа шляхте и рядовым, составляющим конницу под начальством Коменданта Апостола Кигеча» [ПСЗ-1, т. 4, № 2148]. При этом в самом тексте «объявителем патента» значился Кигеч. В то же время документом устанавливался размер жалования всем категориям набираемых военных. Наряду с патентом, коменданту была дана персональная инструкция, а также к именному указу о приеме Кигеча на службу была приложена его присяга – «Клятвенное обещание Апостола Кигеча в верности Российскому Монарху» [Там же].

Все перечисленные и подобные им акты объединяет одна принципиальная черта: в них отсутствует или недостаточно развита та самая синаллагматическая связь, которая определяет контракт. Но именно в ряде таких жалованных грамот иностранцам можно наблюдать за-

рождение взаимности обязательств – неотъемлемого свойства *договора*. Полноценные контракты появляются уже в петровское время наряду с патентами и свидетельствами, испытывая влияние как такого рода грамот, так и обстоятельств их заключения, а также авторов конкретных документов. Российские резиденты за рубежом, подписывая некое обязательство/договор с иностранцем, выступали в роли составителя акта совместно со вторым контрагентом (наемным специалистом) и во многом опирались на правовые традиции той страны, где происходило действие. В итоге «русский контракт» явился результатом естественной компиляции различных образцов, моделей и юридических прецедентов российской и даже в большей степени западноевропейской практики.

Список литературы

- Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России начала XVIII в.: происхождение источника и формирование разновидности актов // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 52–59. DOI 10.24888/2410-4205-2018-16-3-52-59.
- «Известно и ведомо да будет каждому...» : Книги записи патентов, выданных Военной коллегией в 1723–1796 гг. : регест в 2 т. / сост., вступ. ст., оформление К. В. Татарникова. М. : Старая Басманная, 2020. Т. 1. 1012 с.
- Императорская российская гвардия, 1700–1878 : хронол. табл. / сост. г.-л. барон В. Штейнгейль. СПб. : Тип. канцелярии С.-П.-Б. градоначальника, 1878. [6], 317 с.
- Кашианов С. М. Очерки русской дипломатики. М. : Наука, 1970. 498 с.
- Кашианов С. М. Русская дипломатика. М. : Высш. шк., 1988. 231 с.
- Макарова Р. В. Понятие синаллагматической связи в праве Англии и России // Правоведение. 2018. № 2 (337). С. 362–381. DOI 10.21638/11701/spbu25.2018.206.
- Петрухинцев Н. Н. Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» : К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А. В. Доронин. М. : РОССПЭН, 2008. С. 66–87.
- Поленов Д. О присяге иностранцев, принятых в русскую службу при Петре Великом // Рус. архив. 1869. № 11. Стб. 1729–1766.
- ПСЗ-1. Т. 4, 6.
- РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1702 г. Д. 30; 1703 г. Д. 9, 34; 1707 г. Д. 1; 1708 г. Д. 6; 1710 г. Д. 7; 1715 г. Д. 1; 1716 г. Д. 3; 1719 г. Д. 4.
- Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М. : Наука, 1999. 419 с.
- Vocabulaire international de la diplomatie / ed. M. C. Orti. València : Univ. de València, 1997. 310 p.

References

- Ermakova, O. K. (2018). Kontrakty s inostrannymi spetsialistami v Rossii nachala XVIII v.: proiskhozhdenie istochnika i formirovanie raznovidnosti aktov [Contracts with Foreign Specialists in Russia in the Early 18th Century: The Origin of the Source and the Formation of Types of Acts]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 4 (17), pp. 52–59. DOI 10.24888/2410-4205-2018-16-3-52-59.
- Kashtanov, S. M. (1970). *Ocherki russkoi diplomatiki* [Essays on Russian Diplomacy]. Moscow, Nauka. 498 p.
- Kashtanov, S. M. (1988). *Russkaya diplomatika* [Russian Diplomacy]. Moscow, Vysshaya shkola. 231 p.
- Khoruzhenko, O. I. (1999). *Dvoryanskie diplomy XVIII veka v Rossii* [Noble Diplomas in 18th-Century Russia]. Moscow, Nauka. 419 p.

Makarova, R. V. (2018). Ponyatie sinallagmaticheskoi svyazi v prave Anglii i Rossii [The Concept of Synallagmatic Bond According to the Law of England and Russia]. In *Pravovedenie*. No. 2 (337), pp. 362–381. DOI 10.21638/11701/spbu25.2018.206.

Orti, M. C. (Ed.). (1997). *Vocabulaire international de la diplomatie*. València, Univ. de València. 310 p.

Petrukhintsev, N. N. (2008). Nemtsy v politicheskoi elite Rossii v pervoi polovine XVIII v. [Germans in the Political Elite of Russia in the First Half of the 18th Century]. In Doronin, A. V. (Ed.). “*Vvodya nrayi i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode*”. *K probleme adaptatsii zapadnykh idei i praktik v Rossiiskoi imperii*. Moscow, ROSSPEN, pp. 66–87.

Polenov, D. (1869). O prisnyage inozemtsev, prinyatykh v russkuyu sluzhbu pri Petre Velikom [On the Oath of Foreigners Admitted to the Russian Service under Peter the Great]. In *Russkii arkhiv*. No. 11, columns 1729–1766.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 4, 6.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 150. List 1. 1702 g. Dos. 30; 1703 g. Dos. 9, 34; 1707 g. Dos. 1; 1708 g. Dos. 6; 1710 g. Dos. 7; 1715 g. Dos. 1; 1716 g. Dos. 3; 1719 g. Dos. 4.

Steinheil, V. (Ed.). (1878). *Imperatorskaya rossiiskaya gvardiya, 1700–1878. Khronologicheskaya tablitsa* [Imperial Russian Guard, 1700–1878. Chronological Table]. St Petersburg, Tipografya kantselyarii Sankt-Peterburgskogo gradonachal'nika. [6], 317 p.

Tatarnikov, K. V. (Ed.). (2020). „*Izvestno i vedomo da budet kazhdomu...*” *Knigi zapisi patentov, vydannykh VoЕННОi kollegiei v 1723–1796 gg. Regest v 2 t.* [“Let Everyone Know and be Aware...” Record Books of Patents Given by the Military Collegium in 1723–1796. Regest. 2 Vols.]. Moscow, Staraya Basmannaya. Vol. 1. 1012 p.

The article was submitted on 25.08.2020